

**«ВЕЛИЧАЙШИЙ СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЮРИСТ»:
Б. П. ВЫШЕСЛАВЦЕВ О Л. И. ПЕТРАЖИЦКОМ
И ПСИХОЛОГИЗМЕ В ПРАВОПОНИМАНИИ**

А. В. АСЕССОРОВА*

В статье рассматривается значение идей Льва Иосифовича Петражицкого (1867–1931) для философии права Бориса Петровича Вышеславцева (1877–1954). На примере анализа взглядов этих двух оригинальных мыслителей, своеобразно применивших различные аспекты психологии для раскрытия феномена права и во многом опередивших в этом свое время, предлагается различать эти два вида «психологизма» в объяснении правовых феноменов и включить идеи Б. П. Вышеславцева в современное «постклассическое» правопонимание. Б. П. Вышеславцев высоко оценил теорию права Л. И. Петражицкого, отмечая, что этот «величайший современный русский юрист» дал «наилучший анализ сущности права», на основе которого возможно сформулировать «настоящую феноменологию права». Переживания, имеющие пассивно-активную природу, объединенные в класс «эмоции» и являющиеся, по Петражицкому, основой для правовых норм, анализируются и Вышеславцевым, который предлагает дополнить их характеристику обращением к анализу их глубинного — бессознательного «слоя», открытие которого, по мнению Вышеславцева, явило собой «переворот в науке, открыв необычайные своим богатством перспективы». Исследование бессознательного, полагает Вышеславцев, следует проводить как на индивидуальном (психика отдельного человека), так и на коллективном («правовые архетипы») уровнях. Между велением закона и решением человека находится «таинственная подсознательная сфера аффектов» и не менее таинственная «сознательная сфера свободы». Подсознание не подчиняется прямому императивному велению, а закон ошибочно адресует свои нормы «разумной воле», не обращаясь к непроницаемой для него сфере подсознания, воздействовать на которую все же возможно через воображение. Вышеславцев предлагает изменить юридическую технику, способную учесть

Ассессорова Анна Владимировна,
ассистент кафедры
правовых дисциплин и методики
преподавания права
Пермского государственного
гуманитарно-педагогического
университета

* Asessorova Anna Vladimirovna — teaching assistant of the department of legal disciplines and law teaching methodology of Perm State Humanitarian Pedagogical University.
E-mail: annakharms@mail.ru
© Ассессорова А. В., 2014

«хаос подсознания», которому все же крайне необходим «космос» для достижения наивысшей сублимации — Абсолюта.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Б. П. Вышеславцев, Л. И. Петражицкий, психологическая школа права, психоанализ, бессознательное, воображение, метафизика.

ASSESSOROVA A. V. THE GREATEST MODERN RUSSIAN LAWYER: B. P. VYSHESLAVTSEV ABOUT L. I. PETRAŽYCKI AND ABOUT THE PSYCHOLOGICAL POINT OF VIEW IN LAW THEORY

The main purpose of this article is to analyze the content and heuristic potential of the psychological point of view of the famous Russian scientist L. I. Petrażycki (1867–1931), for the ideas of the Russian philosopher of law B. P. Vysheslavtsev (1877–1954). These thinkers had rather different points of view about «raison d’etre» of the world, but both of them had similar opinions. This viewpoint is about the necessity to use the experimental psychological science to explore the essence of law more precisely. The author offers to differentiate between two types of “psychologism” in explaining the legal phenomena and to include Vysheslavtsev’s ideas into contemporary theory of law. B. P. Vysheslavtsev appreciated greatly scientist L. I. Petrażycki’s theory of law, noting that this “greatest modern Russian lawyer” has made “the best analysis of the essence of law”, and on its basis it is possible to form the “genuine phenomenology of law”. Experiences which have a passive-active nature are united into the “emotions” class and are, according to Petrażycki, the basis for legal norms. These experiences have also been studied by Vysheslavtsev who offers to add to their characteristics the analysis of the unconscious “layer” of mind, because it can be an efficient method for searching the essence of law. According to Vysheslavtsev, it is necessary to analyze the “unconscious” both at the individual (mind of a person) and collective (legal archetypes) levels. There is a “mysterious subconscious sphere of affects” and no less mysterious “conscious sphere of freedom” between the command of law and the person’s decision. Subconsciousness is not subject to direct imperative command, and the law mistakenly addresses its rules to the “reasonable will” without appealing to the sphere of subconsciousness. However, it is still possible to influence it through imagination. Vysheslavtsev offers to alter legal technique capable of taking into consideration the “chaos of the subconsciousness” which urgently needs “cosmos” to achieve the highest sublimation — the Absolute.

KEYWORDS: L. I. Petrażycki, B. P. Vysheslavtsev, the psychological theory of law, psychoanalysis, metaphysics, imagination, unconscious.

«В истории, — заметил В. К. Кантор, — бывает так, что те или иные фигуры, если и заденут друг друга, потом расходятся навсегда, и их контакт — лишь строчка в историко-философском исследовании. Но бывает, что судьба связывает людей более крепкой нитью». ¹ Нитью, связавшей профессора Льва Иосифовича Петражицкого (1867–1931), одного из «самых оригинальных мыслителей в истории российского правоведения», ² представителя петербургской школы философии права и основателя психологической школы права, и его современника, профессора Бориса Петровича

---

¹ Кантор В. К. Перекрестья эмигрантских судеб (письма Ф. А. Степуна к Б. П. Вышеславцеву с приложением речи Ф. А. Степуна о большевизме) // Философский журнал. 2010. № 2. С. 49.

² Поляков А. В. Петербургская школа философии права и задачи современного правоведения // Правоведение. 2000. № 2. С. 13.

Вышеславцева (1877–1954), «незаурядного мыслителя и правоведа»,³ ученика П. И. Новгородцева, стала идея о возможности применения данных психологической науки для прояснения сущности права. Данные психологии, избранные этими мыслителями, оказались различными, но значение этих данных для правопонимания, предвосхитивших современные концепции, было велико. Отдельный интерес представляет причудливое переплетение некоторых идейных сюжетов.

Прежде всего, возникает вопрос об уместности такого сравнения. Ведь взгляды Л. И. Петражицкого характеризуются «последовательным антиметафизическим подходом»,⁴ в то время как взгляды Б. П. Вышеславцева (несмотря на существующие рубрики их как неокантианских⁵ или просто религиозно-философских⁶) справедливо определяются как «метафизика на основе трансцендентализма»,⁷ «трансцендентальная метафизика»,⁸ и даже как «трансцендентальная традиция со стремлением к метафизическим построениям».⁹ Однако именно прозорливая и рискованная для своего времени идея о том, что для исследования сущности права необходимо обратиться к психологии, и позволяет говорить о некотором «сродстве» взглядов этих разных мыслителей.

§ 1. ПСИХОЛОГИЗМ Л. И. ПЕТРАЖИЦКОГО

Основополагающей идеей «эмоциональной теории эстетических и этических явлений», как называл свою концепцию сам Л. И. Петражицкий,¹⁰ стало обнаружение «путем надлежащего самонаблюдения» не учтенных современной ему психологией переживаний, которые, в отличие от «претерпеваний», имеют не страдательную («односторонне-пассивную»), а двустороннюю, «пассивно-активную» природу, представляя собой, с одной стороны, «своеобразные претерпевания, отличные от познавательных и чувственных», а с другой стороны, «позывы, внутренние понукания, активные переживания».¹¹ Именно второй вид переживаний, имеющих двустороннюю пассивно-активную природу, Петражицкий предлагает «объединить в один класс» и назвать «эмоциями». Эмоции играют в жизни

---

³ Поляков А. В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. Курс лекций. СПб., 2004. С. 157.

⁴ Тимошина Е. В. Теория и социология права Л. И. Петражицкого в контексте классического и постклассического правопонимания. Автореф. дис. ... д. ю. н. М., 2013. С. 17.

⁵ Дмитриева Н. А. Русское неокантианство: «Марбург» в России. Историко-философские очерки. М., 2007. С. 15; Рябов П. В. Российское кантианство и неокантианство начала XX века в неопубликованных мемуарах А. А. Борового // Кантовский сборник. 2010. № 4. С. 97.

⁶ Кобченко А. А. «Закон» и «Благодать» в концепции Вышеславцева Б. П. как принципы общей регуляции жизни человека и общества // Credo new: теорет. журн. 2004. № 4 // <http://credonew.ru/content/view/437/56/> (2013, 1 дек.).

⁷ Зеньковский В. История русской философии. М., 2001. С. 764.

⁸ Абрамов А. И. О русском кантианстве и неокантианстве в журнале «Логос» // Кант и философия в России. М., 1994. С. 232.

⁹ Степун Ф. А. Жизнь и творчество / публикация и комментарии И. М. Чубарова // Логос. 1991. № 1. С. 100.

¹⁰ Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 39.

¹¹ Там же. С. 21.

человека роль «главных и руководящих факторов»,¹² оставаясь при этом зачастую незаметными и нераспознанными. Констатация последнего обстоятельства сближает Петражицкого с З. Фрейдом, который отводил бессознательному роль «серого кардинала» в жизни человека. Наилучшим методом для распознавания эмоций Петражицкий называет «метод противодействия», который показывает, что эмоции имеют тенденцию «возрастать в силе в случаях препятствования их реализации и удовлетворению, несоблюдения их требований и действий вопреки их запрещениям». Впоследствии схожую логику будет использовать Вышеславцев, ссылаясь на данные экспериментальной психологии Эмиля Куэ и слова Апостола Павла о том, что закон (через запрет) выполняет гносеологическую функцию.

Эмоции существуют в двух главных видах: эстетические и этические (нравственные и правовые переживания). Последние обладают рядом отличительных свойств. Во-первых, они имеют «мистически-авторитетный характер» и противостоят нашим «склонностям и влечениям». Великолепный анализ дает здесь Петражицкий, говоря, что этот характер этических эмоций отражается в том, что позднее К. Г. Юнг назовет выразителем коллективных архетипов — в «народной речи, поэзии, мифологии, религии и т. п. произведениях человеческого духа»¹³ и в том числе в представлениях о том, что «в таких случаях наряду с нашим “я” имеется налицо еще какое-то другое существо, противостоящее нашему “я” и понуждающее его к известному поведению, какой-то таинственный голос обращается к нам, говорит нам».¹⁴ Во-вторых, этические эмоции переживаются «как внутренняя помеха свободе, как своеобразное препятствие для свободного облюбования, выбора и следования нашим склонностям и влечениям».¹⁵ В рамках второго свойства выделяются два уровня (или две категории) представлений: 1) соответствующие принципы поведения называются «законами», «велениями», «запретами»; 2) субъект, к которому обращены «представляемые» веления и запреты, «представляется находящимся в особом состоянии несвободы, связанности». Действительность этическим (нравственным и правовым) эмоциям придает эмоциональная (или импульсивная) проекция, имеющая, однако, двухсторонний характер: «моторные раздражения, возбуждаемые в нас разными объектами (*их восприятиями и представлениями*) (курсив наш. — А. А.), или переживаниями по их адресу, сообщают соответствующим восприятиям или представлениям особую окраску, так что самые объекты представляются нам в соответствующем особом виде, как если бы они объективно обладали надлежащими особыми свойствами».¹⁶ Именно такой «сетевой» механизм проецирования лежит в основе существования коллективной морали и права.

Именно в описании этого механизма профессор Петражицкий предвосхитил как психоаналитическую трактовку групповых динамик, в том числе и правообразования, так и феноменологическую социологию. Незамеченным оказался тезис Петражицкого о том, что «я» человека неоднородно, и собственное «я» может находиться под давлением «какого-то голоса, говорящего нам правила», а ведь здесь он, будучи не знаком с идеями З. Фрейда, описал сложные взаимоотношения между «я» и «сверх-я». В процитированных идеях профессора содержится и догадка о том, о чем

¹² Там же. С. 23.

¹³ Там же. С. 45.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 46.

¹⁶ Там же. С. 48.

позднее скажет основатель структуралистского психоанализа Ж. Лакан¹⁷ в терминах регистров, или инстанций психического («Реальное, Символическое, Воображаемое»), и рассмотрения субъекта как «конституирующегося на пересечении различных символических форм (правил, норм, запретов)»,¹⁸ а также о роли языка в этом процессе: Петражицкий был «одним из первых правоведов, поставившим вопрос о роли языка в конструировании права и теоретического знания о нем». ¹⁹ Идеи о том, что «благодаря взаимодействию индивидов образуется новый эффект — групповая, “народная психика” с ее “нормами — законами”, которые и определяют мотивацию», предвосхитили также идеи о коллективных архетипах основателя глубинной психологии К. Г. Юнга. Не нашла отклика у современников идея Петражицкого о необходимости изучения детского права как способного прояснить «появление и развитие в человеческой психике права вообще и отдельных его видов и элементов». ²⁰ Эта идея и сейчас едва ли реализована, хотя появились уникальные работы по «детской антропологии» М. В. Осориной²¹ и В. В. Головина.²²

Особенного внимания заслуживает идея Л. И. Петражицкого о том, что для понятия права «не имеет далее никакого значения, идет ли дело о разумных, по своему содержанию нормальных, или о неразумных, нелепых, суеверных, патологических, представляющих бред душевнобольного и т. н. императивно-атрибутивных суждениях, нормах». Например, если «суеверный человек, на почве виденного сна или случившейся с ним иллюзии или галлюцинации, убежден, что он заключил договор с дьяволом и в силу этого договора имеет право на известные услуги со стороны дьявола, а за то обязан предоставить последнему свою душу (ср. средневековые суеверия относительно договоров продажи души, брачных договоров с дьяволами со стороны женщин-ведьм и т. п.), то соответственные императивно-атрибутивные переживания и их проекции, право дьявола и т. д., вполне подходят под установленное понятие права». ²³ Несмотря на то что последний известен неисполнением взятых на себя обязательств, в двухсторонних договорах с ним его обязанности поименованы. Между тем, не всякий «юридизированный» формат отношений с дьяволом будет иметь правовой характер. Не будучи знаком с идеями профессора Петражицкого, З. Фрейд в работе «Один случай невроза в форме одержимости дьяволом в семнадцатом веке» (1923) описывает случай односторонней сделки, для удобства лишь называемой договором, нормы которой не носят императивно-атрибутивного характера, а содержат лишь одностороннее

---

¹⁷ Лакан Ж. 1) *Функция и поле речи и языка в психоанализе*. М., 1995; 2) *Инстанция буквы в бессознательном, или Судьба разума после Фрейда*. М., 1997.

¹⁸ *Ставцев С. Н. Язык и позиция субъекта: Лакановская структурно-семиотическая концепция субъективности // Формы субъективности в философской культуре XX века*. СПб., 2000. С. 64.

¹⁹ *Тимошина Е. В. Теория и социология права Л. И. Петражицкого в контексте классического и постклассического правопонимания*. Автореф. дис. ... д. ю. н. С. 14.

²⁰ *Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности*. С. 100.

²¹ *Осорина М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых*. СПб., 2008.

²² *Головин В. В. Детское обычное право // Исследования по славянскому фольклору и народной культуре / под ред. А. Архипова и И. Полинской // Studies in Slavic Folklore and Folk Culture*. Oakland, 1997.

²³ *Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности*. С. 100.

обязательство, которому не корреспондируют ни правомочия этого субъекта, ни встречные обязательства дьявола.²⁴

§ 2. ПСИХОЛОГИЗМ Б. П. ВЫШЕСЛАВЦЕВА

Именно установление профессором Петражицким главного свойства правовой нормы (императивно-атрибутивного характера) высоко оценил Б. П. Вышеславцев, сам обратившийся к психологической науке в стремлении проявить сущность права. Более того, Вышеславцев отмечает, что Петражицкий дал «наилучший анализ сущности права», и полагает, что идеи Петражицкого дают основание для построения «настоящей феноменологии права», сформулированной «с редкой отчетливостью и глубиной». Профессор Вышеславцев трактует идеи Петражицкого в духе, скорее близком к постклассической парадигме правопонимания, говоря, что одной из центральных категорий права, отражающих его сущность, является категория «правоотношение» — «двусторонняя связь правомочия и обязанности, *iuris vinculum*²⁵, установленном нормой». Право — «всегда номотетично».

Впервые Б. П. Вышеславцев обратился к психологии в 1923 г., выбрав темой своей очередной научной статьи²⁶ исследование русских коллективных правовых архетипов, значительно опередив тем самым свое время, поскольку актуализация этой тематики наблюдается лишь последние десятилетия²⁷ в связи с развитием «культурологического» подхода к правопониманию.²⁸ Так же, как и Петражицкий, Вышеславцев полагает, что на фольклорном материале более явно проявляются эти архетипы, в русских сказках находят выражение архетипы Предела, Горя, Договора, Тридесятого царства, Эроса, Иного царства и Края света. В дальнейшем Вышеславцев, высоко оценив «глубинную психологию» К. Г. Юнга, призывает к междисциплинарному исследованию коллективных архетипов, в том числе и правовых. В своей следующей работе «Религиозно-аскетическое значение невроза» (1926), являющейся рецензией на книгу д-ра А. Лешинского,²⁹ Вышеславцев продолжает линию рассуждений, начатую еще в его работах «Русский национальный характер» (1923), «Религия и безрелигиозность» (1924), «Значение сердца в религии» (1925) и частично в «Парадоксах коммунизма» (1926) и «Науке о чудесах» (1926).

Вышеславцев замечает, что современный ему переворот в психологии и психопатологии «представляет громадный интерес с религиозно-философской точки зрения». Представляется крайне важным отметить, что, насколько известно, эта его догадка, впервые высказанная еще в статье

²⁴ Фрейд З. Собр. соч. В 26 т. Т. 3. Одержимость дьяволом. Паранойя. СПб., 2006.

²⁵ Узы, оковы права (лат.).

²⁶ Вышеславцев Б. П. Русский национальный характер // Русский индивидуализм. Сб. работ русских философов XIX–XX веков. М., 2007.

²⁷ Софронов-Антони В. «Правовое бессознательное»: Русская правовая картина мира // Логос. 2002. № 1 (32). С. 4–15; Тюрин М. Г. Архетипы национальной правовой культуры. Дис. ... к. ю. н. Ростов н/Д., 2008; Вовк В. Н. Патернализм в российском правовом менталитете. Дис. ... к. ю. н. Краснодар, 2010; и др.

²⁸ Чайка В. Н. Элементы бессознательного в правовой реальности России. Дис. ... к. ю. н. СПб., 2008.

²⁹ Эта работа не издавалась в России, она была опубликована в Женеве (см.: *Lestchinski A. Les états nerveux et leurs traitements. Théories psychologiques et directions pratiques aux malades et à leurs familles. Préface du Dr Claparede. Genève : Atar, s. d. 1926*).

«Значение сердца в религии» (1925), является если не первой, то одной из первых в русской философии.

На примере анализа невроза как «потери соприкосновения с реальностью» Вышеславцев констатирует исцеляющую его способность веры, подтверждая свой вывод ссылкой на опыт доктора А. де Шампа, с которым он познакомился по работам У. Джемса: «Необходимо признать, — говорит Шамп, — что религиозное обращение, представляющее собой переход от сомнения к вере, является самым надежным психотерапевтическим методом». Анализируя идеи Дюбуа и других психологов и психоаналитиков, Вышеславцев высказывает свою совершенно незамеченную и недооцененную догадку о том, что психиатры требуют от больного того же, что утверждается «всякой аскетикой», которая содержит в себе как методы психоанализа, так и другие методы психологии, содержащиеся в христианской аскетике задолго до формирования научной психологии.

В работе, являющейся рецензией на книгу К. Г. Юнга «Избранные труды по аналитической психологии. Психологические типы» (1930), Вышеславцев продолжает свои рассуждения. Отмечая переворот в науке открытием подсознания, Вышеславцев указывает на «необычайные своим богатством перспективы», которые открывает аналитическая психология К. Г. Юнга, в отличие от «односторонности открытий Фрейда». Основная тема аналитической психологии Юнга, по мнению Вышеславцева, — «понимание психической жизни как *взаимодействия* (выделено нами. — А. А.) сознания и подсознания».³⁰ Подсознание скрыто от непосредственного наблюдения, непосредственно в него проникнуть невозможно, и напрямую управлять им также невозможно. Оно допускает лишь опосредованные формы воздействия, главной из которых является способность души — «сила образа», или «сила воображения». Анализируя фантазию, образ, миф и символ, Юнг показывает, что высшей преобразующей (сублимирующей) силой обладает только «объединяющий символ» — религиозный образ. Особенно замечательно, констатирует Вышеславцев, то, что именно научная психология приходит к такому результату.

В работе «Внушения и религия» (1930) Вышеславцев продолжает исследование подсознания с позиций психоанализа в варианте аналитической психологии К. Г. Юнга.³¹ Подчеркивая, что «преображение» личности совершается при помощи воображения, он анализирует явление внушения как одного из вариантов такого воздействия, признавая, что процесс действия воображения на подсознание впервые был установлен (в первое десятилетие XX в.) школой французского психолога Э. Куэ.³² Феномен внушения, констатирует Вышеславцев, имеет место и в социально-политической жизни — через методы воздействия на коллективное подсознание, «фантастически-восприимчивое подсознание толпы».

Закон, констатирует Вышеславцев, сам по себе обладает крайне слабой способностью к внушению, сам по себе он «не умеет обращаться с подсознанием», так как «отрицательное внушение» не «принимается», а в значительной части закон состоит из запретов. Учитывая этот дефект,

---

³⁰ Вышеславцев Б. П. [Рец. на кн.] Юнг К.-Г. Избранные труды по аналитической психологии. Психологические типы. Цюрих: Книгоиздательство «Мусагет», 1929 // Путь. 1930. № 20. С. 112.

³¹ Вышеславцев отдельно отмечает, что научно-психологический метод Юнга допустим как метод исследования, но не как «сциентизм», «научно-позитивное» мировоззрение.

³² «Метод Куэ» широко используется и в современной практической психологии.

власть «окружает закон рядом образов и символов»,³³ которые как раз способны внушать: «зерцало», мантии судей, торжественные заседания суда, стража и др. Однако еще большей силой внушения обладает аскетика. Подсознание, заключает Вышеславцев — это «хаос, которому не хватает космоса». Вышеславцев обращает внимание на то, что внушаемый субъект не пассивен, а активен, внушение есть «момент свободного творчества».

В работе «Этика сублимации как преодоление морализма» (1930) Вышеславцев рассматривает непосредственно проблемы правовопонимания, до этого рассматриваемые им в разных аспектах и в разных работах.

Этика естественного закона, к которой Вышеславцев вновь обращается и к которой относит этику И. Канта, является, по его мнению, самой возвышенной формой этики лишь на первый взгляд — она являлась бы таковой в масштабе «до Христа» и «вне Христа».³⁴

Для ответа на вопрос о причинах недостаточности «ложной праведности», «довольствующейся» методичным строгим исполнением законов («иудейская этика») и «необходимости искупления и Благодати» («новозаветная этика»), Вышеславцев использует для аргументации речи из посланий Апостола Павла. Закон, говорит Ап. Павел, лишь указывает, что есть грех, но он бессилен с ним бороться (на онтологическом уровне). Закон может произнести только «суждение о грехе», так как «законом познается грех», но, осуждая и судя, он не может давать «оправдание даром». Категории «искупление», «покаяние», «прощение греха» лежат за его пределами и являются метаюридическими. Закон в целом порождает «отрицательные аффекты» по отношению к нарушителям — «жажду отмщения», «справедливое негодование». Положительные же аффекты закона для преступников в такой этике невозможны (закон «не может любить грешников»), зато они возможны в рамках новозаветной этики («Христос может»). Новозаветная этика предлагает новый путь борьбы со злом, состоящий не в новой системе императивов, запретов и законов, а в любви, которая, кстати, не исключает воспитательного воздействия. Трагедия закона, говорит Вышеславцев, заключается в том, что он достигает «прямо противоположного тому, к чему стремится»: требует соблюдения, а вызывает нарушения. Ошибочно, по мнению Вышеславцева, представление о том, что справедливое «устройство человечества (его “оправдание”)» достигается системой справедливых законов, идеальным государством (будь то монархия, республика или коммунизм), так же как ошибочно представление о том, что человеческая душа может стать праведной, только связав своеволие страстей сетью моральных императивов и запретов».

Между велением закона и решением человека находится «таинственная подсознательная сфера аффектов» и не менее таинственная «сознательная сфера свободы». Речь идет о сопротивлении всей подсознательной сферы, сферы «инстинктов и влечений, связанных с чувственно-телесным

---

³³ Вышеславцев намечает здесь контуры направления (политическая имагология), которое актуализировалось лишь в конце XX в. (см.: *Блок М. Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии.* М., 1998; *Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: Средние века. Новое время* / под ред. М. А. Бойцова и О. Г. Эксле. М., 2008; *Бойцов М. А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе.* М., 2009; *Власть и образ.* Очерки потестарной имагологии / под ред. М. А. Бойцова и Ф. Б. Успенского. СПб., 2010).

³⁴ *Вышеславцев Б. П. Этика сублимации как преодоление морализма // Путь.* 1930. № 23. С. 4.

миром («плотские помышления»), которые не подчиняются сознательной воле и «закону ума», причем здесь действует обратная динамика: чем сильнее усилие воли, желающего императив исполнить, тем сильнее сопротивление. Эта динамика выражена в экспериментально подтвержденном Э. Куэ законе «*loi de l'effort converti*».³⁵ Возможно, об этом же говорил и Петражицкий, но с другой точки зрения — с точки зрения диагностики этических эмоций. Но этот же закон знал и Ап. Павел («иной закон, находящийся в членах моих, противоборствующий закону ума моего»).

Вышеславцев задается вопросом о том, какое средство окажется пригодным для «овладения» таинственными подсознательными силами души, и в который раз отмечает, что современная ему психология (психоанализ главным образом) такое средство предлагает, но средство это содержалось и в религиозных учениях. Искомое средство — сублимация при помощи воображения. Подсознание, как уже утверждалось, не подчиняется прямому императивному велению, а закон ошибочно адресует свои нормы «разумной воле», не обращаясь к непроницаемой для него сфере подсознания. Впрочем, прямой путь и невозможен, возможен лишь опосредованный путь, предложенный психоанализом. Воображение «обладает особым даром проникновения в подсознание», подсознание «питается» образами воображения и «питает» их. Психология и метафизика воображения, заключает Вышеславцев, становятся психологией и метафизикой творчества. «Могучей» сублимирующей силой обладают образы красоты, образы искусства, но в то же время сублимация искусства не окончательна, оно «недовоплощает». Вершиной сублимации является божественный Эрос, который вызывается реальным существом, «реальным лицом»: любовь к реальному Богу и реальному человеку преобразует человека.

На пути преобразования встречается не рассматривавшееся ранее сопротивление свободы произвола. Предельная свобода, говорит Вышеславцев, есть точка опоры как для искушения, так и для «рычага спасения». В «последней глубине», в «иррациональной бездне первично избирающего акта» не действует ни закон, ни авторитет, ни власть, так как «всякий закон должен быть сначала свободно признан», «всякий авторитет должен быть свободно принят», а «всякая власть и всякое право должны быть свободно установлены», иначе «на всякий императив» «свобода произвола» может ответить преступлением или анархизмом.³⁶

Существуют, по мысли Вышеславцева, две ступени свободы: свобода произвола и свобода творчества, а переход от первой ко второй есть сублимация свободы. Негативная свобода («*liberum arbitrium*»), замечает Вышеславцев, недооценивается и «имеет дурную славу», но именно произвол есть «необходимый категориальный момент свободы, и он сохраняется

---

³⁵ «Закон иррационального противоборства» в переводе Вышеславцева. Более точный перевод — «закон перевернутого усилия», или «закон иррационального сопротивления». Открытие и формулирование этого закона осуществил Э. Куэ. Сам закон раскрывается в двух аспектах: «Если имеет место конфликт между волей и воображением, то во всех случаях — без исключения — побеждает воображение. В конфликте между волей и воображением сила воображения возрастает пропорционально квадрату волевых усилий, прилагаемых для борьбы с воображением» (см.: Куэ Э. Сознательное самовнушение как путь к господству над собой. Психологическая библиотека. Берлин, 1926).

³⁶ Вышеславцев Б. П. Этика преобразованного Эроса. Т. 1. Проблемы закона и благодати // Кризис индустриальной культуры. Избр. соч. М., 2006. С. 113.

в высшем категориальном комплексе творческой свободы».³⁷ Вышеславцев пишет, что ценности образуют иерархическую систему соподчинения, иерархически низшее стремление может входить как «интегральный момент» в «некоторый высший комплекс», в котором оно преобразуется и облагораживается. В связи с этим и возникает проблематизация Абсолюта как предела сублимации, но эта тема заслуживает отдельного рассмотрения.

Вышеславцев выстраивает целую грандиозную систему, в которую включены иерархически и изоморфно организованные индивидуальный, социальный и онтологический уровни, позволяющую даже в рамках контекста «трансцендентальной метафизики» и религиозной философии рассмотреть «механику права» в «психической жизни». Вышеславцев предлагал изменить правила юридической техники с учетом той мощи, которую представляет собой подсознание. Иным был подход Петражицкого, отрицательно относившегося к метафизическим построениям, но предлагавшего расширить перечень видов права с учетом его эмотивной обусловленности. На примере сравнения идей этих двух незаурядных мыслителей можно констатировать актуальность дальнейших исследований психологизма в правопонимании, которые, возможно, позволят с большей определенностью говорить о формировании антропологического психологизма в российском правопонимании XX в.

---

³⁷ Там же. С. 120.